

На экзамене в Ремесленной палате из шестидесяти девяти мастеров из тридцати трех провинций тридцать один успешно прошли испытание, и Чжан Чусин прошел его без малейших сомнений. В первую десятку вошли Шан Нань, Лу Гэ, Бай Тайань, Гао Цзиньсы, Го Жэнь, Лу Яо, Фан Юйши, Ся Вэй, Хуа Миньси и Дай Лань.

В тот же вечер Се Хай устроил в саду Цзычжуань банкет для Шана Наня, Бая Тайаня, Лу Гэ, Лу Яо и Чжан Чусина.

Было начало часа собаки. Сад Цзычжуань располагался у подножия гор Сяншань, неподалеку от пяти южных садов столицы, и его гостями чаще всего становились влиятельные сановники и богатые купцы.

В комнате стоял круглый стол, уставленный уже готовыми блюдами. Здесь были представлены шаньдунская, хунаньская, сычуаньская и сучжоуская кухни — всего двенадцать кушаний: засахаренный карп, тушеная курица без костей, свиные кишки девяти оборотов, курица кунг пао, говядина в рисовой муке, тофу мапо, ассорти по-хунаньски, акульки плавники по рецепту Цзу Аня, семена лотоса в леденцовом сиропе, суп из рубленого мяса по-шанхайски, хрустящие свиные ножки и тушеная утка по-трио. Се Хай сидел во главе стола, по левую руку от него устроился молодой человек, а за ним — Шан Нань и Бай Тайань. По правую руку сидели Лу Гэ и Лу Яо, а напротив — Чжан Чусин.

— Уважаемые племянники, по поручению нескольких старых старцев я должен о вас позаботиться. По возрасту я вполне годится в отцы каждому из вас, так что можете называть меня дядей, — поднявшись с места, Се Хай указал на сидевшего рядом юношу и продолжил: — Это мой старший сын Се Фань, ему тридцать, можете звать его просто А-Фань. К тому же вы все до сих пор не были знакомы, так что давайте каждый представится.

— Шан Нань из столицы, двадцать шесть лет. Дядя Хай, господа, зовите меня просто А-Нань.

— Лу Гэ из Сычуани, двадцать пять лет. Дядя, господа, зовите меня... Голубем.

— Лу Яо из Сычуани, двадцать четыре года. Дядя, господа, зовите меня Ястребком.

— Бай Тайань из Сучжоу, двадцать шесть лет. Дядя Се, господа, зовите меня просто А-Ань.

Чжан Чусин бросил взгляд на Се Хая и произнес: — Чжан Чусин из Юнтая, двадцать девять лет. Дядя Се, господа, можете звать меня Чжунхэ.

— Ха-ха, раз уж все уважаемые племянники познакомились, не выпить ли нам за это по чарке? — договорив, Се Хай поднялся и воздел кубок. Шан Нань, Лу Гэ, Лу Яо, Бай Тайань, Се Фань и Чжан Чусин один за другим встали и подняли бокалы.

Если присмотреться внимательнее, можно было заметить у всех этих людей две общие черты:

нежная кожа, нефритовые руки и тонкие, длинные пальцы. Руки у всех были примерно одинаковы, но что касалось кожи, то у Чжан Чусина она оказалась самой гладкой и нежной, превосходя даже кожу новорожденного младенца, в то время как лица остальных напоминали девичьи. Например, Се Хаю уже перевалило за пятьдесят, а выглядел он лет на двадцать с небольшим.

— Над морем встает яркая луна, и пусть мы далеко друг от друга, но разделяем этот час. Ну, до дна!

— До дна!

— Дорогие племянники, столица — это вам не родной дом, здесь нужно тщательно следить за своими словами и поступками, — посерьезнев, произнес Се Хай, но тут же смягчил выражение лица. — Впрочем, излишне осторожничать тоже ни к чему. Пока поступаешь по совести, подножие трона все же живет по законам.

— Давайте, А-Нань, Голубь, Ястребок, А-Ань, Чжунхэ, братья, пропустим по чарочке, — с широким и удалым видом произнес Се Фань, поднимая бокал.

— До дна! — все семеро чокнулись.

— Ну же, племянники, не стесняйтесь. Сегодня вечером мы все здесь — лишь бы едоки да выпивохи, пейте вволю, ешьте досыта, не цереморьтесь, — видя, что те все еще не расслабились, Се Хай сделал широким жест рукой.

Никто из собравшихся не отличался излишней чопорностью: услышав такие слова, они рассмеялись, а затем принялись за еду со всей серьезностью. Больше всех усердствовал Чжан Чусин — он совершенно не заботился о манерах и походил на голодного демона, вырвавшегося из преисподней, чем вызвал у остальных тайные усмешки.

— Братец А-Нань, в будущем в столице тебе придется приглядывать за нами обоими, — проговорил Лу Гэ, поднимаясь вместе с Лу Яо.

— По рукам, по рукам! Если в столице возникнут какие-либо дела, обращайтесь ко мне и братцу Фаню — чем сможем, обязательно поможем, а если не сможем, все равно придумаем способ помочь, верно, братец Фань?

— Мы же свои люди, долг обязывает. Если что-то нужно, говорите прямо, не стесняйтесь. А-Ань, Чжунхэ, вы двое, хватит только жрать, давайте, братья, выпьем!

— До дна! — Чжан Чусин с явным неохотным вздохом отложил палочки и поднял кубок.

— Чжунхэ, я слышал о тебе от старика, впредь буду за тобой приглядывать, — это был Лу Яо

(ястреб — птица свирепая, не зря же император Тай-цзун из-за козней Вэй Чжэна заживо уморил одну такую птицу). Он выглядел весьма внушительно и, судя по всему, полностью соответствовал своему имени — казался немного грозным. Впрочем, его словечко «старик» сразу снискало расположение Чжан Чусина. «Надо же, как и у меня, жертва домашнего тирана», — подумал про себя Чжан Чусин.

— Заметано, — невнятно бросил он в ответ. Лу Яо взял пиалу, доверху наполнил вином, налил и ему, после чего они осушили посуду до дна.

— Чжунхэ, я тоже хочу выразить тебе уважение, — Бай Тайань взял в руки свою чашу. Выглядел он очень утонченно — сказывалось то, что земли Цзянхуай славились своей просвещенностью, рождая бесчисленных талантливых мужей и прекрасных дев: в конце концов, какая земля, такие на ней и люди!

— Такой утонченный на вид, а пьет столько! Истинная правда, что по внешности человека не судят, — мысленно восхитился Чжан Чусин, одновременно поднимая пиалу. — Ладно, в будущем выручайте.

Ответ прозвучал столь же невнятно.

— Взаимно, — ответил Бай Тайань. И вновь кубки опустели до дна.

Что до остальных, то Се Фань полностью оправдывал свое имя: внешность у него была самая заурядная, прямо как у Чжан Чусина. Лу Гэ отличался мягким нравом, от одного взгляда на него становилось тепло на душе. А Шан Нань... что тут скажешь — лицо квадратное, черты правильные, сказывалось влияние столичной планировки, ведь какова земля, таковы и люди!

После этого все шестеро пошли по кругу, и каждый выпил по меньшей мере десяток чаш. После такой нагрузки Лу Гэ, Бай Тайань и Чжан Чусин сидели с совершенно не изменившимися лицами, Се Хай продолжал упорно гнуть свою линию, Се Фань и Шан Нань покраснели до самых корней волос, а дородный Лу Яо «отключился» еще на девятом бокале. К счастью, хмелем он страдал мирным: только спал и не дебоширил.

— Поистине, внешность обманчива! — мысленно дивился Се Хай. — Лу Гэ мягкий, Бай Тайань утонченный, Чжан Чусин и вовсе выглядит сущим мальчишкой, с чего это все они такие крепкие до питья?

— Дядя, нехорошо с вашей стороны! Сидели в стороне, наблюдали, как мы пьем, и остались в стороне? Не пойдет, давайте-ка я выпью с вами чашу, — заявил Лу Гэ.

— Ха-ха, — неловко рассмеялся Се Хай. — Ну ладно, до дна.

Затем трое оставшихся принялись по очереди атаковать его, и примерно через четверть часа

Се Хай сдался.

— Стоп! Вы, трое наглецов, решили меня споить? Не выйдет, мне еще потом А-Наня с А-Фанем провожать, больше пить не буду. Поздно уже, давайте-ка отдохнем и будем собираться в обратный путь.

В этот момент Чжан Чусин взглянул на часы: стрелки показывали одну треть седьмого часа собаки.

— Чжунхэ, это те самые часы, что ты смастерил? — спросил Се Хай.

— Угу.

— Самые крошечные из самозвонных часов, что сейчас делают в Ремесленной палате, размером с винную чашу. Старик был прав, у тебя и правда редкий талант, — заметил Се Хай.

— Верно, Чжунхэ, мой старик говорил ровно то же самое, — подхватил Лу Гэ.

— Да, отец отзывался о тебе с огромным уважением, — добавил Бай Тайань.

— Хм, — Чжан Чусин вдруг вспомнил, как в детстве и впрямь видел пару раз каких-то незнакомцев, гостивших у старика, хоть их визиты и можно было по пальцам пересчитать.

— Ладно, довольно разговоров, давайте расходиться по комнатам. Ах да, Чжунхэ, из всех нас ты один остановился на постоялом дворе, у остальных-то в столице есть собственные особняки. Через пару дней я отведу тебя посмотреть жилье, чтобы и у тебя был нормальный угол в столице. Кстати, несколько дней назад ты заложил ядро фиолетового нефрита — мало того, что сбыл его по дешевке, так еще и шкатулку собственной работы отдал в ломбард вместе с ним. Деньги не вода, так сорить ими нельзя.

— Э... мда, — смутился Чжан Чусин.

— Ладно, пойдёмте.

Се Хай поддерживал Се Фаня и Шана Наня, Лу Гэ придерживал Лу Яо, а Чжан Чусин и Бай Тайань шли позади.

Вскоре они покинули сад Цзычжуань, и Се Хай проводил Чжан Чусина обратно на постоянный двор.